Глазами волка

Автор:
Сергей Радченко

Глазами волка

Сергей Радченко

Ритм… ритм, ритм, ритм, удар, удар, удар, удар, туум, тууумм, тууууммм, тууууумммммм… То чаще, то реже, то звонче, то тише…. Мерцает огонек, и я, завороженный этим ритмом, уже слышу волчий вой, зовущий меня дружелюбно. Вижу… Вот он, большой волк на вершине заснеженного холма, а за ним вся стая… И мы уже все вместе несемся по снежной равнине, утопая в снегу. Могучий волк, вожак… обернулся, и его ослепительный яростный взгляд пронизывает все мое естество до последней клеточки и наполняет силой и знанием.

Сергей (Дядя Серёжа) Радченко

Глазами волка

© Радченко С., 2016.

* * *

Часть первая

Путь к себе

Пролог

Жил да был, да и ныне живет на земле Жемайтийской простой литовский шаман Пятрас Добришюс (Петр Добрый).

Вот о том, как он жил и живет (и, надеюсь, дальше жить будет), о том, как шаманом стал, о том, как с волками подружился – мой сказ.

Литовского языка я не знаю, поэтому если что и переврал в своем пересказе его повести или по недоразумению понял не так, прошу простить. Больно уж он человек интересный, и жизнь у него почище любого приключенческого романа будет. Перо само в руки просится эти похождения описать.

Все, что я описал в этой книге, было узнано мной много поздней того, что опишу сейчас.

Знакомство мое с Пятрасом произошло почти случайно. Хотя всякий, хоть что-то соображающий в этой жизни, знает, что случайностями мы называем непознанные нами закономерности. Они сплетаются в нити судеб из наших тайных, неосознанных желаний и воли богов или духов, позволяюших этим желаниям материализоваться на страницах наших жизней.

Живя в Литве и скучая по новым впечатлениям, я случайно («случайно» пишу потому, что телевизор не смотрю уже давно, так как считаю, что ту информацию. которая нужна мне, Вселенная до меня обязательно донесет, и не стоит ее ежедневно высматривать в новостях) увидел репортаж тележурналиста о посещении литовского зверинца, где волками какой-то чудак людей лечит. Проведя небольшое расследование и выяснив точный адрес этого чудака, я, созвонившись, к нему и приехал.

В Средней Азии есть такая поговорка: «Охрану волков надо заслужить». То есть, чтобы волки тебя приняли, надо быть человеком достойным, верным своему слову, с чистой душой и помыслами и любящим сердцем.

Именно такой человек Пятрас Добришюс и встретил меня по приезде в Зверинец на низкорослой лошадке жемайтийской породы.

За невысоким плетнем его двора бегала красивая, грациозная волчица Шеркшна. Хранительница самого Пятраса, сторож его двора, она как «детектор лжи» сканирует своим острым взором каждого посетителя.

Входишь во двор и стоишь, а Пятрас за реакцией волчицы наблюдает.

Она к хорошему человеку подойдет, обнюхает и, может, что-то скажет по-волчьи. Плохого сторонится.

В Жемантии у женихов даже новый обычай установился: своих невест к Пятрасу во двор приводить на испытание к волчице. Женщина – она же «терра инкогнито» даже для самой себя, и на что способна в семейной жизни, сама того не ведает. А волчица враз раскусит, что за дама перед ней и какова она на самом деле по своей сути.

Шеркшна, давно живущая среди людей, натуру нашу досконально изучила. Если Пятрас в настроении хорошем, то и волчица добродушна. А коль хозяин не в себе иль расстроен чем-то, то и охранница не в духе. Даже на знакомых ей работников зверинца, раз по сто в день по двору шастающих, рычит.

Волчица по-своему мыслит и отношения строит: Пятрас – вожак стаи, он главный, на него и его настроение и равняемся. Но она к тому же еще и женщина, и вожака как… ну вы понимаете, КАК воспринимает. Вот и чуток ревнует к другим самкам.

Пятрас меня охотничьим, острым взглядом осмотрел и, наверное, за своего все-таки принял. Да и волчица ко мне благосклонно отнеслась.

В домике гостевом поселил, медком угостил, а под вечер удивил – пригласил в чум шаманский для какого-то, неведомого мне, обряда.

Сами понимате, шаман в Центре просвещенной Европы, практически в двух шагах от прилизанных улиц и огней реклам, это ЧТО-ТО!

Зима, звездное небо при полной луне, волчий вой совсем рядом. Я сижу в холодном чуме, увешанном внутри звериными шкурами, смотрю на огонек толстой свечи, а сзади (строго-настрого велено было не оборачиваться!) шаман в лисьей шапке и в халате из звериных шкур начинает бить в нагретый на огне бубен.

Ритм. ритм, ритм, ритм, удар, удар, удар, удар, туум, тууумм, тууууммм, тууууумммммм… То чаще, то реже, то звонче, то тише… Мерцает огонек, и я, зовороженный этим ритмом, уже слышу волчий вой, зовуший меня дружелюбно.

Вижу. Вот он, большой волк на вершине заснеженного холма, а за ним вся стая. И мы уже все вместе несемся по снежной равнине, утопая в снегу. Могучий волк, вожак… обернулся, и его ослепительный яростный взгляд пронизывает все мое естество до последней клеточки и наполняет силой и знанием.

Еще миг… И этот волк, оторвавшись от заснеженной равнины, бежит вверх и ввысь, и растворяется в небесной дали, провожаемый нашим общим волчьим воем… И мы вновь бежим, по брюхо утопая в снегу, со вздыбленной на холке шерстью. И воем, воем самозабвенно и звонко. от печали, смешанной с надеждой и силой на сводящую с ума луну.

Очнулся я со вздернутой вверх головой и по-волчьи передернулся всем телом, чтобы прийти в себя.

Пятрас обьяснил, почему принял мой визит за особый знак – сегодня за пару часов до моего приезда ушел из его стаи матерый волк.

Милый читатель, я, в отличие от прочих, не претендую на особую крутизну и не буду убеждать тебя в том, что в тот вечер снизошло на меня особое знание, и я поведу тебя к счастию и довольствию. Я, может быть, и сам не поверил бы во всю эту галиматью.

Но по приезде домой, рассматривая свои фотографии, увидел на одной из них дух волка, смотрящего на меня внимательно, как бы раздумывая: «Доверять этому штымпу или нет?». Все еще не веришь? Тогда всмотрись в это фото. Видишь, там – между двух берёзок?

А потом ночь в волчьем вольере. Стеночки у домика, где ночуешь, тонкие, а волки голодные, любопытные…

Ты сидишь в темноте и кожей чувствуешь через фанерку существо неведомое, опасное, сильное. Вот тут шорох, вон там скрип….Страхи твои и здесь, и там… И ничто тебя, в случае чего, не спасет. Или спасет. СПАСЕТ, КОНЕЧНО, СПАСЕТ! Тот, кто создал это все – и людей, и волков. ОН может и с тобой, и с ними договориться. И, кажись, договоривается… О!!!!! Тихо вокруг. Нет, опять кто-то там за тонкой стенкой!! Нет, опять показалось. И так всю ночь.

Наутро все твои проблемы: кредиты неотданные, налоги незаплаченные, претензии любовниц и просьбы жен – вся эта шелупонь мира с его мнимыми бедами и покупными радостями – слетают с тебя, как мишура с новогодней елки в конце января.

И ты выходишь в мир – обновленный, простой и чистый, как роса на траве. И все тебе ясно и понятно, а прежняя дурь уже не волнует. И преграды, казавшиеся непреодолимыми, уже не пугают.

Жизнь проста и ясна. Ноги-руки целы? Глаза видят? Хорошо! Кушать хотим? Найдем добычу. На ночь логово отыщется. Хорошая самка сама тебя почует и рядом побежит. А что еще надо для ощущения полноты жизни? Свист ветра в ушах да запах воли! Ты теперь немножко волк! Дитя матери – природы! А уж МАМА о тебе позаботится – сам только не зевай.

И еще одна ночь, а вернее – вечер.

Люди какие-то к Пятрасу приехали подлечиться и проблемы житейские разрешить с помощью мудрого человека. Он всех принял. Кому трав дал для лечебных отваров, кому слово доброе, а потом всех – на улицу, на морозец, к волшебному костру.

Звездное небо, зимний лес, весело трещат дровишки, и шаман самозабвенно пляшет у костра свою колдовскую пляску. И бубен протяжно гудит, созывая духов к нашей компании.

Они летят охотно, чуя дары – зерно, молоко. Дух огня – громадный огненный дракон – милостиво принимает жертву.

И вот уже шаман вместе с огнем танцуют в унисон один магический танец.

Создается полное ощущение, что огонь подчинен шаману. Он то низко стелется по земле – когда шаман пригибается над ним с бубном, то яркой вспышкой устремляется ввысь, в темноту ночи добавляя звездному небу искорки своих угольков. Завораживающее зрелище…

Гаснет уже костер, огненными саламандрами всполохов играет отблесками на белом снегу. Каждый из участников обряда подходит ближе и по указанию шамана смотрит, стараясь разглядеть среди мерцания огня знаки – ответы на свои вопросы и просьбы.

Той зимней ночью в бликах огня увидел я себя в грядущем. и эту книгу, мной написанную.

Детство

В большой семье ничем не щелкай, а учись бойкости. А семья Добришюсов большая, одних детей десятеро.

Пятрас, шестым рожденный, несмотря на номер, вовсе «шестеркой» не стал. Наоборот, рос крепким, независимым и закаленным ребенком.

Когда мать привезла его из роддома, черный аист, королевский – особенно редкая птица в литовском небе – накручивал круги над усадьбой Добришюсов.

Добрый знак. Аист в литовской мифологии считается символом семьи и связи с предками, а черный – символизирует необычность, странность и лидерство.

Кстати, не только для литовцев аист имеет символический смысл. Вот, например, для индейцев он означает счастливую жизнь и героические походы и

подвиги.

Родня Петра Добришюса – старые охотники и пчеловоды. А прадед с отцовской стороны, приехавший из Пруссии и обосновавшийся в Сувалкийском лесу, вообще, по людским рассказам был знахарем и шептуном.

Кроме того, на удивление всем, хоть и из крестьян был, но имел господские манеры: столетний старец в костёл верхом сам ездил. Люди только помогали взобраться на коня и потом слезть с него. А уж гарцевал он сам.

Все детство, бегая в Шилавотскую школу через поля мимо тысячелетних курганов, Пятрас понемногу учился слушать и слышать звуки леса: шелест деревьев, песню ветра, гомон птиц или треск сломанной зверем ветки…

Слух ребенка так обострился, что он как бы сам собой наловчился читать лесной нотный лист.

Лес – он живой, и, коль закроешь свой рот и откроешь уши, он заговорит с тобой языком любви и поведает свои тайны. Станут ясны иероглифы звуков и запахов, и откроется книга, в которой никогда не перепутаешь запах прелой листвы с нежностью первых подснежников, а след доброго зверя или человека отличишь от следа хищника.

Пятрас стал звероловом как бы естественно, без особых усилий и учения – выдрессировал собак, стал охотиться на всякую лесную живность. Сам часть леса, он охотился не для потехи, а, как и другие звери лесные, только для прокорма. Времена тогда были не самые сытные, а уж большой семье прокормиться особо сложно.

Самым ярким детским воспоминанием был волк, добытый отцом. Вид застреленного волка его просто очаровал. Сила, мощь и грация чувствовались даже в мертвом теле зверя.

Это детское восхищение, как оказалось, и определит всю его дальнейшую судьбу.

В семье Добришюсов для телячьих нежностей не было ни времени, ни возможностей. Ни мать, ни отец не могли одновременно всех десятерых детей усадить на колени и каждого погладить или приласкать.

Откровенно говоря, нехватка любви, желание отдавать и получать ее, явились причиной приручения животных. В общении со зверьем можно получить компенсацию недостающего.

Братья бились за глоток молока, свои права отстаивал и Пятрас. Весной изголодавшимся детям приходилось есть едва проросшую траву, постоянно возникали драки. Особенно попадало маленькой Дангуоле, скрывающейся под столом и выдававшей мужские секреты братьев. В общем, обстановка была спартанская и к становлению волевого характера очень даже благоприятная.

Но случалось порой и то, что объединяло всех. Как-то раз со старой липы из гнезда аистов выпал аистенок, и вся семья дружно начала опекать подкидыша, наперегонки кормя его жучками, лягушками и по-всякому о нем заботясь.

Аистенок подрос, научился летать. Но почему-то большие аисты не приняли его в стаю и били клювами, если он приближался или вообще игнорировали.

Дети особенно обеспокоились, когда пришла осень, и пора было улетать. Не принятый в стаю один не долетит. Маленькая Дангуоле даже бросилась вязать ему шерстяные носки, чтобы он не отморозил ноги, когда придут холода.

Но случилось удивительное событие: как-то к пруду возле дома прилетели черные аисты.

Черные на то и считаются королевскими для белых аистов, что белые им по какой-то неведомой причине подчиняются. Приблизился к черным наш домашний аистенок, видно – пожаловаться на несправедливость. Все аисты начали клекотать, стучать клювами, что-то обсуждать на своем аистином языке.

Дети издали наблюдали эти дебаты между выращенным и прирученным ими аистенком, отвергнутым своими белыми собратьями и опекавшей его черной парой.

Какое-то время они долго ходили втроем. Потом черные аисты поднялись и, очертив круг почета, улетели. А белые сразу приняли отверженного в свою стаю и больше не били. В ту осень он вместе со всеми улетел зимовать в Африку.

Пятрас, несясь в школу (а он никогда не ходил нормальным шагом, всегда – бегом, сломя голову), сбрасывал по пути рюкзак и начинал рыть мышиные норы так, что даже под ногтями от боли пульсировало. Школу забывал, полностью отдавшись этой работе по рытью нор.

А ведь охота всегда начинается с мышей: кот охотится на мышей, лиса и волк, как и человек, свою первую охоту начинают с мышей.

Получив от тети рваный нейлоновый чулок, Пятрас использовал его как сетку для сбора лягушек. Он ловил их для совы, живущей на их дворе, и раскладывал на перекладинах. Летом чуть ли не все перекладины были выложены умершими лягушками.

Как-то Пятрас поймал и барсука. И даже лося держал на закрытом дворе. А воронят забирал из гнезд и растил. Они мальчишке и на плечи, и на голову садились и без меры ели людскую еду: с одного конца клюют, а с другого – выпускают. Дом был весь белый от птичьего помета. Мама сердилась, но Петр так любил птиц, что не страшился ни маминых, ни отцовских нахлобучек.

Петр ловил и зайцев, сладко дремавших в грядках меж капусты и моркови, и, посадив в клетки, растил и кормил их. Летом – одуванчиками, зимой – сеном.

От той любви к животным у Петра завелись вши, и матери пришлось мазать его голову чемеричной водой.

Намного позже Пятрас взял в руки ружье, но опять же не забавы ради – голод заставил. Кроме того, дед и прадед охотились, и в его жилах текла кровь старых охотников. Охотиться для него было так же просто, как другому наколоть дров или принести воды из колодца.

Всю юность он провел в лесах, промышляя куниц с собаками. И если куница ныряла в воду и спасалась вплавь, а собаки не успевали, то Пятрас плюхался в воду в одежде, не обращая внимания на минусовую температуру, и ловил зверька.

В реке Йеся любил ловить раков, и чаще всего ловил их голыми руками. Один раз вместо рака получил укус от водяной крысы, с тех пор он стал осторожнее. Раки ему настолько приелись, что ведро раков поменял раз на мясные консервы, потому что никогда до этого их не пробовал.

И не было в литовских лесах такого живого создания, которого бы Петр не приручил. Все, к кому он прикасался, ему подчинялись и любили.

В детстве приобретенные привычки – быть своим в лесу, умение жить, как зверь и добыть себе пищу – пригодятся ему в дальнейшем, но об этом рассказ впереди.

Перепутья

Промелькнуло детство, как лесная птица между веток. И вот уже новая школа зовет нашего героя – Советская армия. Службу в армии проходил в Брянске.

Командир подшучивал над ребятами из Прибалтики – если, мол, западники нападут на Советский Союз и подарят «прибалтам» галстуки с красными петухами, так они за модную тряпку выдадут все военные тайны, и поэтому им верить нельзя – совсем ненадежные, в отличие от тихих и неподкупных парней из Средней Азии.

На службе в армии Петр вместе с другими бегал кросс, но частенько сбегал с маршрута: рысью несся к железнодорожным путям – собирать чернику. Сердце в лесу оживало…

Примерно через полгода смастерил командиру хорошую удочку, и за это был отпущен в незапланированный отпуск. Приехал на побывку домой, домашние даже подумали, что он сбежал из армии.

В армии он много занимался спортом, имел хорошие результаты в борьбе. Тренер по классической борьбе из Средней Азии звал Петра ехать в Ташкент тренироваться, но не было денег для такого отпуска. Он дружил с азиатами, которые предлагали после службы в армии ехать вместе с ними жить в горы.

Увидеть горы – это было мечтой Пятраса с детства, потому что по фильмам и прочитанным книгам о горах у него сложился романтический образ.

Свою жизнь в Литве Петр видел как скучную, полную дурацких правил и неинтересной работы. Да и жена будет рядовая, потому что если выберешь красавицу в жены, то она будет нужна и другим, не только тебе, а потому – хлопот не оберешься. Кроме того, думал он, жены-литовки склонны подавлять мужчин, брать власть и в доме, и над мужем.

Поэтому предложение друзей из Средней Азии жениться на покорной мусульманке, прислуживающей мужу и исполняющей все его желания, звучало заманчиво. Однако в реальности это выглядело тяжелоосуществимой идеей.

Но сильное желание Петра и его мечта увидеть горы уже были выпущены в пространство вселенной и должны были когда-нибудь исполниться, хотя он еще и сам не верил в такую возможность.

О, если бы кто-нибудь вел его тогда за руку, как когда-то знахари, которые видели будущее и могли посоветовать во всех жизненных трудностях и могли подтолкнуть человека к его Пути, жизненному предназначению или к исполнению его мечты… В наше время, увы, таких советчиков найти тяжело, и нужно надеяться только на себя.

После армии Пятрас вернулся в Литву, потому что так было проще. Он даже не подозревал, что его мечта увидеть горы скоро исполнится, и даже более того! Но это будет уже вынужденный выбор, а не по своей воле задуманный отпуск и маршрут мечты.

В конце 70-х – начале 80-х в моду вошли меха. Во всем Советском Союзе дамы носили меха лис и енотов. Особенно торговля мехами расцвела в Каунасе, на базаре Алексотай, а в Риге был центр скупки меха.

Это был золотой век торговли мехом, и понемногу Пятрас вошел в нелегальный меховой бизнес.

Официально охотились только партийные деятели – это была элита охотников, и простому человеку тяжело было попасть в тот узкий круг. Поэтому Пятрас

охотился нелегально, дружил со скупщиками мехов и заводчиками зверей и понемногу начал втягиваться в этот непростой и, как потом оказалось, опасный бизнес.

Простому и немного наивному парню из литовской глубинки, больше понимающему язык леса, где все ясно – кто добыча, а кто хищник, – трудно вот так сразу разобраться в человеческих отношениях, особенно, если это мир подпольных торговцев и цеховиков.

Недолго Пятрас наслаждался большими деньгами. Как-то раз один «друг» по бизнесу попросил помочь в щекотливом деле: выкрасть весь меховой запас у другого такого же. Сказано – сделано. Темной ночью приехали на ферму и все забрали подчистую. Было весело и интересно – прям «Операция Ы»! Но не долго…

Не прошло и нескольких суток, как узнал Пятрас, что друг его мнимый куда-то испарился, а крайним его оставил. Теперь и милиция его ищет, и как на хорошего зверя охота на него потерпевшим бизнесменом начата. И даже приз в виде денежной премии за его голову объявлен.

Звериное чутье, наработанное в детстве, не подвело – слежку заметил сразу. Возвращаясь вечером в общежитие, где он жил, увидел подозрительных товарищей спортивного телосложения. В коридоре возле комнаты… В общем, еле унес ноги через черный ход.

Судьба подкинула ему этот подарочек аккурат под Новый год. Оно и понятно – жертву лучше всего брать расслабленной предновогодними хлопотами.

Итак, в пассиве: уголовное дело с милицией на хвосте плюс вольные охотники за головами, подогреваемые жаждой его крови и премией за голову. Плюс отсутствие жилья, денег и друзей, к кому можно податься. В активе: голова цела (пока), ноги-руки. Декорации: ночь, зима. И еще – страх быть пойманным, а то и убитым.

С такими «веселыми» мыслями долго кружил Пятрас вокруг автовокзала, пока не решил поехать в родные края.

К одинокому пассажиру прицепилась цыганка, долго бормотала что-то о казенном доме, насилу отвязался от нее. Вот и автобус в нужном направлении, хорошо, что в нем тепло и темно. Это создавало иллюзию безопасности…

На нужной остановке вышел. Темно, морозно, метель – самая погодка для беглеца. Ну что ж, вперед – по зимней, заносимой метелью дороге!

Как порой интересно ведет нас та неведомая рука, согласно своим, одной ей ведомым планам. Как порой замысловато сплетаются события в ткани наших жизней!

На пути в лесу оказалась застрявшая машина с компанией. Помог. Разговорились. И был приглашен встречать Новый год в кругу незнакомцев.

А что еще надо одинокому волку зимней ночью? Теплый очаг, пища. А уж веселая компания с красивыми девушками – так это вообще подарок судьбы.

Судьба в эту ночь решила наградить Пятраса по полной. Парни так развеселились, что дело кончилось серьезной ссорой и дракой между ними.

Результатом оказался накрытый стол и уединение с прекрасной незнакомкой.

А под утро он уже с новой знакомой, которая звалась Вильгельминой, пришли в дом к ее родителям. Те, конечно, были несколько ошарашены таким поворотом событий: ушла с одним, а пришла с другим.

Готов, готов я выслушать упреки всех моралистов и поборников нравственности и морали. Мол, не о том и не так пишу я, не то надо прививать и воспитывать. Жаль мне вас! Никогда не понять Вам, что это такое и как происходит, когда, казалось бы, люди минуту назад не знакомые, взглянули в глаза друг другу. и все! Что это? Любовь? Безумие? Не испытавшим не понять. Это волшебство! Это сказка! Миг между прошлым и будушим в любовной истоме.

Опасность, она всегда обостряет чувства. Когда ясно и четко понимаешь, что все это не навсегда, что в любой момент ты можешь потерять все и вся, когда смерть дышит тебе в затылок, ты начинаешь высоко ценить нынешний миг – будь то миг любви или отдыха, насыщения или сна.

Неделя любви с молодой женщиной, полная страсти и нежности, когда из постели вылезаешь только для того, чтобы поесть, да полюбоваться в окошко на зимнюю сказку – желаю тебе читатель иль читательница такое испытать. И на смертном одре ты будешь вспоминать эти ночи, запах сладкого пота и огарок свечи, который каплями воска отсчитывал отведенное вам время, неумолимо укорачиваясь.

Однако чувство опасности, не покидавшее его все это время, начало помаленьку усиливаться. Когда подруга уезжала в город на работу, Пятрас обходил близлежащие леса.

Пока следов преследователей не встречалось, но чувство это усиливалось с каждым днем.

Вильгельмина, как верная связная, созвонилась с армейским другом Пятраса – Сергеем из Риги – и договорилась о временном убежище.

Как ни тяжко прощание, как ни оттягивай наступление минуты расставания, а все ж оно неизбежно. Все хорошее рано или поздно заканчивается, чтобы уступить место другому хорошему или разному… Тут уж все от мировоззрения человека зависит – как это новое оценить.

Перед дорогой наведались в старый костел. Священник, вытащив из кармана дверные ручки (так он страховался от краж), открыл двери и впустил их внутрь. Тихо и величественно в безлюдном храме, только треск горящих свечей да лик Богоматери с младенцем со старинной иконы, только стук двух любящих сердец да молитва благословения. Так порой говорит с человеком Вечность.

В тот же вечер на каунасском вокзале Вильгельмина проводила Пятраса в Ригу. Слезы, слова любви и прощальные поцелуи не могли заглушить растущей тревоги.

Забравшись в вагоне на верхнюю полку и укутавшись с головой в одеяло, Пятрас, спрятавшийся от погони, уезжал одновременно от смерти и от любви к своим новым приключениям.

Дорога без конца

Рига встретила беглеца высокими башнями и морозцем.

Быстро смешавшись с толпой, по-шпионски подняв ворот, Пятрас, слегка нервничая, ехал к старинному другу.

Сергей, крупный мужчина со стальными мускулами, был человеком добрым и отзывчивым. Этаким борцом за правду и справедливость. Из древнего рода староверов, сам набожный – что в советское время было редкостью. Хороший организатор и мастер на все руки: и строитель, и портной, и сапожник, и мастер спорта по борьбе.

Вот только человек он был городской, и это единственное, в чем они с Пятрасом – дитем лесов – были несхожи.

Пятрасу асфальт ноги жег. Кто не понял, обьясню: вот встань, читатель, рано утром… солнышко только взошло, всякое зверье новый день славит, лес шумит, а трава, чуть росой прикрытая, нежно так твои ноги по матери земле несет. Прочувствовали? А теперь теми же босыми ногами в полдень по раскаленному асфальту пройдитесь. Почуствовали разницу? Вот так и у него, только через обувь.

Встретились сослуживцы, рижского бальзама пригубили и – за дело. Карту Союза разложили и кумекать начали: «Куда бедному Пятрасу податься?»

В Сибирь матушку? Оно, конечно, можно, да только в Сибири еще с царско-энкавэдешных времен обычай такой, что, ежели беглеца поймал (а то и пристрелил, предъявив, например, палец убитого), то тебе от властей премия в виде литра, а то и двух.

Решили на юг податься, там как раз знакомый Сергея жил в Фергане, тоже борец.

Вот так, долго в Риге не задерживаясь, с рекомендательным письмом, зашитым в подкладку, уже следующей ночью ехал наш герой в столицу тогда еще его родины. В Москву.

На прощанье крепко обнялись они с Сергеем, тот пожелал всех благ, удачи в пути и обещал молиться. И то славно, молитва беглецу не помеха.

В Москве не задержался, все еще боясь преследования. По углам тихарясь, дождался своего поезда, да и укатил в Фергану.

В поезде страх отпустил его. Впервые спокойно ночью выспался, да и компания попалась замечательная. Три старика-аксакала, этакие старики-хоттабычи или ходжи-насреддины на пенсии.

После непродолжительного (часа четыре) допроса – кто таков? куда едешь? зачем едешь? откуда едешь? и т. д. – пили чай, закусывая узбекскими лепешками. Кто не знает, сообщу, что процесс пития чая в Средней Азии сродни выращиванию дерева, то есть медленный и долгий.

Коротая время в пути за чаем, один из старцев предложил Пятрасу погадать на лепешке. Удивленный таким способом гадания, Пятрас согласился и не пожалел, так как стал свидетелем изумительного действа.

Лепешка то порхала в мозолистых руках восточного кудесника, как бабочка, то шлепалась на ладони, как старая жаба в болотную воду, то с остервенением рвалась на кусочки, чуть ли не опять склеивалась вместе… И все это под бормотания и предсказания.

Пророчество, как водится, было туманно и неясно. Ждала Пятраса дорога и длительная жизнь в Азии, много друзей, подруг и приключений.

Только вот желанной с армии свадьбы с покорной мусульманкой старик не нагадал. А, наоброт, обьяснил, что мусульманка – товар штучный и дорогой, за нее надо большой калым платить родителям невесты, да и самому придется принять веру мусульманскую. Пятрас, слышавший что-то про исламское обрезание, на такой вариант не был согласен. Да и с деньгами был напряг.

Фергана

Весело проведя время в дороге с мудрецами, слушая их восточные байки, Пятрас и не заметил, как приехал в весеннюю Фергану.

Да продлит Аллах твои дни, читатель, и скрасит твои ночи, но если ты не видел весенней Ферганы, утопающей в цвету и зеленеющей, как знамя Пророка, если не ходил ты по восточному базару, вдыхая аромат плова и шашлыков, то ты даром прожил свою никчемную жизнь.

После литовской лиюндры, хмурой и дождливой, Азия просто ошарашила Пятраса. Цветом своих красок и веселым гомоном. Да и опасность была уже далека и не так ощутима.

Весна весной, но уйти еще дальше в горы и пожить там – самое верное. А устроить это мог только друг борца Сергея – Володя, по рекомедации из Риги.

Потолкавшись на базаре и расспросив дорогу, Пятрас поехал по нужному адресу.

Однако его теща, узнав, что Пятрас его давний знакомый из Прибалтики, приехавший издалека по важному и неотложному делу, отнеслась к нему радушно и с восточным гостеприимством накрыла стол.

Ферганские лепешки

В самый разгар пира в комнату вошел здорового вида мужчина и удивленно вытаращил глаза на незнакомца, вольготно уминавшего за столом домашние запасы. Теща после минутного молчания начала обьяснять Володе – а это был именно он – что сидящий за столом не кто иной, как его старинный друг из Риги.

Володя, впервые видевший Пятраса, с жаром отрицал, что это его друг… На Пятраса начали смотреть с недоверчивым подозрением. А уж когда он полез за подкладку за письмом, обстановка еще больше накалилась.

Но вот верительная грамота извлечена, и недоразумение разьяснилось ко всеобщему благу.

Гость в доме в Азии – это посланец Аллаха, так что дня четыре Пятраса просто кормили и отсыпали, не ведя деловых разговоров.

Между пловом и ширкаваком Пятрасу все же удалось втолковать Володе, зачем он, находящийся в розыске, приехал в Фергану. Он просил найти проводника, который повел бы его в горы.

Володя, оторвавшись от суок-оша, заверил, что лучшего знатока здешних гор, чем он сам, Пятрасу не найти.

«Дитя гор» Володя

Володя – знаток гор – перед горным походом посоветовал Пятрасу надеть спортивную обувь, чтобы с рифленой подошвой легче было лазить по горам.

Сам он взял огромный котел, положил туда одну пачку макаронов и засунул все это в огромный же рюкзак. На изумленный вопрошающий взор друга обьяснил, что другого котла у него в доме нет, а зачем покупать маленький, если есть большой?

«Не боись!», – весело вдохновлял Пятраса проводник, – «Со мной в горах не пропадешь. Я практически в них родился. Даже жену в медовый месяц на руках в горы унес. Ей, кстати, понравилось».

Так, громыхая макаронами в котле, они и пошли покорять Памир.

В горах Памира холодно даже летом, а уж ранней весной можно и насмерть замерзнуть. Пятрас, с детства наученный ночевками в лесу, сделал ложе.

Запоминай, читатель: вырываешь яму в свой рост, после того, как костер вечерний прогорит, засыпаешь эту яму углями, а сверху еще толстый слой земли – ложись и спи себе спокойно. Так даже в сибирской тайге зимой ночевать

можно, проверено на себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-radchenko/glazami-volka-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить